

Приказ – демонтировать...

В своей книге «Эвакуация» исследователь Михаил Важнов именно её назвал «первым сражением, которое мы выиграли», «первой победой, вырванной у врага».

Наш «Североникель» первым из предприятий цветной металлургии СССР оказался в прифронтовой зоне. Его эвакуация стала одной из наиболее сложных и блестяще проведённых операций, предусмотренных планом перебазировки значительной части народно-хозяйственного комплекса СССР в начальный период Великой Отечественной войны. Вот как это было.

РАБОТА ВЕЛАСЬ КРУГЛОСУТОЧНО

26 июня 1941 года нарком внутренних дел Лаврентий Берия обратился к Сталину с письмом о пересмотре плана капитальных работ в связи с началом войны (по «Североникелю» предлагалось ограничиться достройкой металлургического завода, рудников богатой руды, сооружением железно-дорожной ветки от рудников к заводу). Однако в этот же день ситуация резко меняется: 26 июня 1941 года датирован приказ НКВД о немедленной эвакуации комбината. Возможно, слишком неутешительными были военные сводки?

Берия по телефону приказал главному инженеру Ивану Бересневу (начальник «Североникеля» Царевский находился в командировке) остановить производство, в течение 48(!) часов демонтировать оборудование и организовать эвакуацию.

«Береснев ответил, - пишет в своей книге «Североникель» Владимир Позняков, - что по телефонному приказу он этого сделать не может, и через несколько часов получил шифротелеграмму, подтверждающую приказ. Он потом рассказал, как долго ходил по кабинету и все не мог решиться дать команду на остановку с таким трудом созданного производства».

Приказ об эвакуации комбината был подписан Бересневым, как указывает М.Важнов, 26 июня (у В.Познякова мы находим другую дату – 28 июня).

Пункт первый этого исторического приказа гласил: «Прекратить работы по эксплуатации и строительству комбината». В пункте третьем даны чёткие указания, как должен быть произведён демонтаж: «Всё подлежащее отгрузке оборудование надлежит разобрать, смазать, рабочие поверхности крупных деталей оградить от повреждений, мелкие детали и мелкое

оборудование упаковать. На всё оборудование составить акты демонтажа, подробные описи по узлам, с указанием номеров мест по каждому агрегату и описи деталей, уложенных в ящики, присваивая ящикам порядковый номер».

Спешка, конечно, была невероятная, но делалось всё без всяческих скидок на неё, очень тщательно. Работы велись круглосуточно, в две смены, с часовым перерывом на обед. По состоянию на 2 июля 1941 года, из Мончегорска было отправлено уже 279 вагонов оборудования и другого имущества, 50 находилось под погрузкой и столько же – на подходе.

Чтобы создать впечатление интенсивно работающего предприятия и тем самым предотвратить возможные бомбёжки, мончегорцы пошли на хитрость: специально созданная бригада жгла в дымоходах остатки мазута, ветошь, дымовые шашки. И цеховые трубы «сигнализировали», сбивая фашистов с толку.

С 3 июля основные сооружения и оборудование комбината, не подлежащее демонтажу, начали готовить к взрыву. То, что было создано самоотверженным трудом в невыносимо короткие сроки и в невероятно тяжёлых условиях, теперь предстояло уничтожить! Очевидцы вспоминают, что слёз не мог сдержать даже железный Царевский...

В спецгруппу, которую возглавил начальник рудника «Сопча» А.Петров, вошли 12 инженеров и 30 рабочих-горняков. Перед группой ставилась задача взорвать комбинат, если городу будет реально грозить опасность захвата. Были определены точки размещения зарядов, рассчитана их сила. К счастью, положение на Северном фронте стабилизировалось, немцы Мурманском овладеть не смогли.

Эвакуация была закончена к концу июля. Всего было вывезено 1086 вагонов с оборудованием, 886 – с различным сырьём, в том числе 431 – с рудой; воинским частям передано материалов на 515 млн.рублей.

ГОРОД ОПУСТЕЛ...

Одновременно шла и эвакуация горожан. Отъезжающим было запрещено брать с собой в вагоны мебель и прочие громоздкие предметы, животных. Вещи предлагалось сдать на хранение жилищно-коммунальному отделу, а домашний скот – продать продснабу.

Людей разъясняли: всё, что примет ЖКО, подлежит оценке, и если имущество не будет доставлено, владельцам на новом месте выплатят компенсацию.

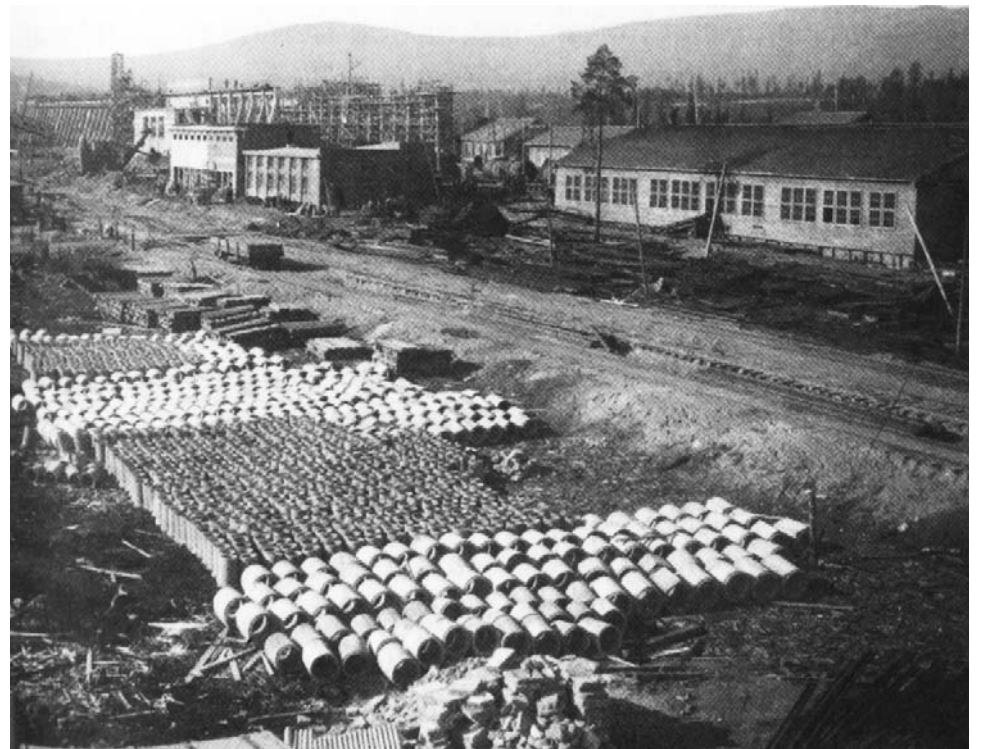
Приказ «О порядке расчётов с рабочими, ИТР и служащими» определял выплаты за июнь, единовременных пособий, а

для некоторых категорий работников – оплату шести дней на устройство личных дел, размер зарплаты, причитающейся за время пути, начислениеточных, компенсацию стоимости проезда по железной дороге, багажного сбора.

Эвакуация велась под воинским прикрытием: для защиты города, а также станций Оленья и Имандра был сформирован полк народного ополчения. Часть работников комбината зачислили в состав отдельного истребительного батальона НКВД, призванного отразить возможный десант противника.

Маршруты эвакуации были разными. Оборудование и персонал электролизного и кобальтового цехов отправляли в Орск, на «Южуралникель». Горняки и горное оборудование эвакуировались в основном в Джезказган. Металлургов и оборудование плавильного и рафинировочного цехов, управление, заводскую лабораторию направляли а Норильск.

...К августу 1941-го Мончегорск практически опустел: в недавно ещё 33-тысячном городе осталось не более 5 тысяч человек. Полностью был эвакуирован и Мончегорлаг (убыло в другие лагеря – 13438, освобождено 155 человек).

Промстрой, на заднем плане – металлургический завод.

КАК ЭТО БЫЛО: вспоминают очевидцы

«Работали до изнеможения. Домой не ходили. Покушаем в буфете, поспим маленько, и опять раз-два – взяли! Отец был рослый, сильный, всё оберегал меня – всё-таки всего девятнадцать...»

М. Т. Ульянов,
электролизник.

«Не уходили сутками. Девушки и женщины работали наравне с мужчинами. Справились с заданием в рекордно короткие сроки...»

А. Ванеева-Неведомская,
работница цеха сетей и подстанций.

«Меня назначили начальником штаба по эвакуации оборудования... При всей поспешности демонтажа не забыли подумать о том, что оборудование будет кто-то снова монтировать. Поэтому десятка конструкторов вооружилась краской и кистями и писала на деталях машин номера чертежей, а чертежи отправляли в ящиках в первую очередь. Как всё это пригодились!»

В. Н. Лебединский,
начальник конструкторского бюро.

«Наше производство сначала не вошло в число первоочередных объектов эвакуации. Мы должны были переработать всё сырьё, которого было порядочно. Отчитывались за каждую выданную плавку до грамма. Весь кобальт, полученный в течение суток, упаковывали в контейнеры и отправляли по назначению прилетающим почти каждый день гидросамолётом. Когда стала очевидной опасность, что враг перережет железную дорогу Ленинград-Мурманск, получили распоряжение: технологию остановить, оборудование демонтировать, оставшуюся гидроокись упаковать и отправить. Считанные дни, и – всё готово».

В. А. Дарьяльский,
начальник цеха кобальтового завода.

